

Саймон Стивенс, еще один драматург британской «новой волны».

«Сара.- ... Наше присутствие, тот факт, что на Земле существует человеческий род, вытекает из череды таких необыкновенных, несвязанных между собой феноменов, что не может быть вызвано иначе, чем Богом. Это он нас создал. Хорошая работенка. А знаешь, отчего эта мысль приводит меня в бешенство?»

Харпер.- Ни малейшей идеи.

Сара. - Потому что исходя из этого, человек должен быть совершенен. Но это не тот случай. Мы не то что несовершенны, мы - какой-то бордель, которому и названия- то нет».

«Харпер Рейган» . Сцена IV.

Саймон Стивенс (1971), модный британский драматург из круга Роял Корта, где кстати, кроме прочего он сам с 2000 по 2005 возглавлял секцию молодых драматургов (the Court's Young Writers' Programme). Сегодня его ставят по всему миру. Самая известная его пьеса, написанная по горячим следам терактов в Лондонском метро, носит провокационное название «Порнография». Хотя под порнографией здесь понимается не бесстыдный секс, а состояние современной западной цивилизации, где человек человеку –товар. Стивенс - типичный автор новой волны британской драматургии, той которая всегда умела соединять театр политический, социальный с проблемами внутренними. С хаосом души.

Он пишет про обычную (обыденную) жизнь обычных людей, используя самый что ни на есть простой разговорный язык. «Все сегодня болеют. Все в депрессии », -жалуется в первой сцене Начальник, проводящий большую часть времени у экрана интернета, и уже другой жизни себе не представляющий. «Человек - единственное животное, придумавшее интернет». Человек, живущий в узком промежутке между интернет-реальностью и социальный прессингом, сводится к функции. Вероятно, его подчиненная Харпер Рейган думала приблизительно также, пока не попала в экстремальную ситуацию. Спектакль называется по имени главной героини. Ей сорок лет, у нее престижная работа, любимый муж Эрик и 17-летняя дочка-отличница по имени Сара. Эта гламурная картинка,«Все ок» разбивается в тот момент, когда Харпер узнает о том, что ее отец при смерти. Простая история - съездить из Лондона в Манчестер, чтобы повидаться с умирающим отцом, превращается в экзистенциальное испытание, разрушающее иллюзию устроенной жизни. В завязке пьесы начальник, под угрозой увольнения, запрещает ей взять отпуск. Настоящий пресс, каток. Ощущение усиливается, когда в следующей сцене становится ясно, что муж ее без работы, дочь учится в престижном колледже, и на ней весь груз содержания семьи. И тогда происходит бунт «функции», маленького человека: никому не сказав ни слова, Харпер все-таки уезжает в Манчестер. Дорожные встречи и не встреча с уже умершим отцом становятся дорогой к обретению себя.

Род-мови, укладывающийся в три дня и одиннадцать сцен, в течение которых Харпер приходится прожить самые экстремальные ситуации - разбить до крови лицо слишком навязчивому журналисту в баре, переспать с незнакомцем по интернет – объявлению, дать волю своему вождению к подростку, наконец, разобраться с матерью, с которой не общалась два года. И выйти из всего этого повзрослевшей, - в начале пьесы перед нами женщина-ребенок, сестра Норы из «Кукольного дома» Ибсена. Кстати, Нора как раз была последней, предыдущей до Харпер, ролью Марины Фойс. Только в отличие от героини Ибсена, «Нора» Саймона Стивенса в конце возвращается

домой. Но и она, и ее муж уже другие, так что семейный завтрак в саду, залитом солнечным светом, воспринимается без всяких сантиментов как первое утро новой жизни. Как говорит Лукас Хемлеб, «в конечном счете, если вчитаться, пьеса ни черная, а спасительная».

Photo Elisabeth Carecchio

Харпер – Марина Фойс, Джеймс- Жерар Десарт

Сценография венгра Чабы Анталя - стеклянная выгородка на вращающемся кругу сцены. Одновременно функциональная, она позволяет достаточно кинематографично монтировать калейдоскоп эпизодов (в пьесе нет деления на акты), чередуя интерьер/экстерьер, и вместе с тем, это образ города стеклянных клеток, в которых сами себя закрыли люди. Атмосфера создается целой партитурой звуков- классическая музыка, звуки улицы, шум дождя вторят загадочной внутренней мелодии, которую ведет Марина Фойс. Ее Харпер, несмотря на свои сорок с лишним, сохраняет внутреннюю хрупкость подростка. Помноженную на чисто французский шарм «настоящий парижанки». Вообще, жители Лондонского предместья или провинциального Манчестера в спектакле Ront-Point приобрели элегантность, присущую французскому языку.

Хемлеб собрал команду хороших актеров, причем в основном с кинематографическим профилем. Типажи. Поэтому общий тон напоминает неспешное течение телефильма, вплоть до того, что актерам вменяется и говорить как можно естественнее, так что на премьере часть текста уже в середине зала была решительно не слышна.

Очень органичный актер Луи-До де Ленкесенг профессионально примеряет маску сломанного прессом постиндустриального общества мужа, который уже больше ни опора ни самому себе, ни близким. Но в этом в меру милом, в меру несчастном мужике трудно распознать скрытую муть, о которой речь в пьесе Стивенса.

Photo DR

Затрап в саду. Эрик - Луи-До де Ленкесенг и Харпер- Марина Фойс.

Из потока хорошо срежиссированной телереальности выбивается разве только сцена в отеле с Джеймсом, мужчиной по объявлению, которого играет Жерар Десарт. Легендарный актер, Гамлет поколения 80-х, но также исполнитель кассовых успехов бульварного театра, Десарт и здесь разделяется на несколько ипостасей, сыграв в пьесе одновременно, совершенно по-разному, три роли: начальника, отчима и Джеймса. (В этом мире все легко взаимозаменяемы, поэтому все, кроме Харпер, играют по несколько персонажей). В двух первых легко проскальзывают наработанные штампы. И только в роли Джеймса проявляется настоящий Десарт: в диалогах между ним и Харпер впервые в спектакле проскальзывает недосказанность, как будто главное совершается между строк, в подтексте. Этот случайный спутник, незнакомец, сполна обладает той странной притягательной силой, которая вызывает отчаянную откровенность героини, заставляет открыться первому встречному как никогда и никому, и манит соблазном: здесь в самом деле за желание плоти хватаются как за последний спасательный мостик перед бездной. В пьесе есть еще один искус на пути к дому, это юноша Тобиас, к которому Харпер испытывает странное, терпкое влечение. В пьесе это сцена в стилистике «hot», а у Хемлеба очень политкорректный обмен репликами.

Как, в сущности, и весь спектакль. А между тем, пьеса Стивенса ненавязчиво подымает какие –то очень значимые вопросы экзистенциальных неврозов человека новой «компьютерной» эпохи. Нашей с вами. Именно поэтому ее играют по всему миру- после Национального театра в Лондоне, « ХР» была поставлена сразу в нескольких театрах Германии, в Швеции, Португалии, Израиле, а также в Штатах (Чикаго и Сан-Франциско).

Наша справка

Royal Court

Royal Court (Роял Корт) возник в 1956 году с постановкой пьесы Дж. Осборна «Оглянись во гневе», своего рода литературного манифеста движения «рассерженных молодых людей», недовольных современным состоянием британского театра и общества, которая произвела настоящий переворот в драматургии

С тех пор и по сегодняшний день *Royal Court* остается храмом театрального авангарда, известным во всем мире как открыватель новых драматургических имен, в первую очередь современных британских драматургов. Театр заказывает пьесы, смело ставит никому не известных дебютантов, многие из которых имеют огромный успех . *Royal Court* даже создал свою методику поисков и создания драматургов и охотно делится секретами, в частности его знаменитая техника *Verbatim* (суть в том, что драматург пишет пьесу по заказу на основе документальных рассказов реальных людей) уже много лет активно претворяется в России, и даже дала толчок рождению нового театра документальной драмы – «Театр.док».

Среди пьес, родившихся в *Royal Court* и уже уже давно ставших классикой, назовем, например, « Немого официанта» и «Комнату» Пинтера, но также «Blasted » Сары Кейн.